

УДК 330. 837

Скоробогатов А. С.

ВТОРАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В СТРАНАХ СНГ

В статье инновации рассматриваются как порождение определенного типа культуры. Проводится анализ институтов, поощряющих инновационную активность, доказывается ограниченность концепции второй экономической революции в объяснении генерации инновационного развития. Указывается на необходимость стимулирования инноваций через регулирование творческой подсистемы общества.

In article innovations are considered as generation of certain type of culture. The analysis of the institutes encouraging innovative activity is carried out, limitation of the concept of the second economic revolution in an explanation of generation of innovative development is proved. It is underlined necessity of stimulation of innovations through regulation of a creative subsystem of a society.

Одним из очевидных сопутствующих факторов «богатства народов» в современном мире является инновационная активность. И этот сопутствующий фактор нередко рассматривается в качестве непосредственной причины процветания тех стран, которые занимают лидирующие позиции в современной мировой экономике. В этом смысле сравнительные экономические успехи различных стран, как будто бы и действительно, следует ставить в зависимость от темпа и объема инноваций, создаваемых и внедряемых в этих странах.

Инновации возникают в определенных институциональных условиях. Современная неоинституциональная теория обычно делает основной акцент на тех условиях, которые определяют востребованность инноваций и создаваемое ими вознаграждение для тех, кто их разрабатывает и внедряет, обходя вниманием прочие, более «бескорыстные» институты. В настоящей статье делается попытка восполнить этот пробел и, в частности, рассмотреть коммерческие инновации в их связи со всей сферой творческой деятельности, а среди институтов, определяющих интенсивность и содержание инноваций, — особо выделить институты вне рыночного характера. Это позволит лучше понять обнаруживаемые в истории и в наше время институциональные особенности России, определяющие творческий процесс на ее территории.

Коммерческие инновации и прочие виды творческой деятельности

То, что с инновациями могут быть связаны какие-либо коммерческие перспективы, было широко осознано лишь в результате Промышленной революции. Ее начало принято связывать со временем, когда впервые были внедрены в производство паровой двигатель, а также ткацкие и прядильные станки, обеспечившие многократное повышение производительности труда в ключевой для тогдашней Англии текстильной отрасли. Изобретения, положившие начало Промышленной революции, представляли собой классический вариант технологических инноваций — усовершенствований в технологии, обеспечивающих экономию затрат. Технологическими инновациями вкупе с инновациями продуктовыми — изобретениями новых продуктов или усовершенствованиями старых, — по сути, исчерпывается та творческая деятельность, которая непосредственно нацелена на коммерческий результат.

Следует выделять также такую разновидность творческой реализации, которая не обеспечивает никаких коммерческих результатов. Продукция, создаваемая в соответствующем секторе, не может быть с выгодой продана по причине отсутствия заинтересованности в ней как у массового покупателя, так и у потенциальных крупных заказчиков. В частности, продукция, создаваемая в сфере фундаментальной науки и некоммерческого искусства, не является коммерчески перспективной, поскольку может представлять интерес лишь для очень узкого круга потребителей и имеет, в определенном смысле, экспериментальный характер. Дело в том, что большая часть этой продукции является лишь отражением творческого поиска ученого или художника и в этом своем качестве может представлять интерес только для самого творца, да для других, которые подобно ему ищут новые формы или идеи в той же или близкой области.

Например, научная деятельность, так или иначе, сводится к исследованиям и публикации их результатов. Однако, сами эти публикации в массе своей не могут представлять коммерческого интереса, поскольку ориентированы на очень узкий круг специалистов. В то же время основная часть всех этих публикаций, фактически, не содержит идей, которым суждено войти в историю и как-то повлиять на развитие науки и практики. Эти публикации отражают стремление продвинуться в понимании изучаемых объектов и, тем самым, поставить науку на новый уровень. Без такого рода усилий невозможен прогресс науки, однако сами эти усилия в массе своей не вызывают каких-либо явных сдвигов в науке и, тем более, не имеют практического значения. Однако даже и высокие научные достижения, как правило, также не представляют собой готовых коммерческих продуктов.

Вместе с тем, коммерческие инновации, так или иначе, связаны с прогрессом в фундаментальных областях. Исследования в области как естественных, так и общественных наук способствуют более глубокому пониманию природы и общества, и время от времени эти вновь полученные знания находят себе применение на практике.

В более широком смысле, подобная связь существует и в сфере искусства. Наряду с шоу-бизнесом — массовой культурой, ориентированной на развлечение, — существует также целый слой культуры, непосредственные результаты которой не могут иметь широкого развлекательного резонанса. С одной стороны, это экспериментальные области, имеющие значение в основном благодаря осуществляемому в них поиску новых выразительных средств, некоторые из которых со временем найдут себе применение в массовой культуре. С другой стороны, это те культурные традиции, которые имеют давнюю историю и определяют ментальность общества. Эта сфера очень важна для общества и его массовой культуры, хотя сама по себе она зачастую также не включает в себе особых коммерческих возможностей. Таким образом, имеет смысл говорить не только об инновациях, в узком смысле, т. е. инновациях коммерческих. Важны творческие свершения и в неприбыльных сферах.

Коммерческие и некоммерческие выгоды от инноваций

Когда речь идет о выгодах, создаваемых инновациями, опять же основной акцент делается на выгодах коммерческих, которые сводятся к экономии издержек или изобретению новой продукции. Такие инновации, будучи осуществляемы на регулярной основе, могут быть источником систематически сменяющих друг друга открытых монополий — торговли новыми продуктами или подешевевшими старыми, ориентированной на получение сверхприбыли до тех пор, пока другие не освоят те же продукты или технологии.

Однако могут быть и другие выгоды, помимо чисто коммерческих. Среди таковых можно выделить выгоды политические, идеологические и институциональные. Политические выгоды проистекают от инноваций в области военных технологий. Опять-таки, когда инновации этого рода осуществляются систематически, это может обеспечивать стране постоянное военное превосходство перед потенциальными противниками (более подробно об экономических и политических выгодах от инноваций см. [1]).

Не менее, а может быть, и более, важны идеологические выгоды. Дело в том, что страна, отличающаяся интенсивным творческим процессом и соответствующими достижениями, может стать объектом подражания других стран. А это уже открывает для нее возможность культурного и идеологического лидерства, позволяющего насаждать в других странах свои ценности и мировоззрение. Это, фактически, означает, что страна-культурный лидер может мирным способом формировать другие страны. Разумеется, что формирование это будет осуществляться в интересах культурного лидера. Даже тогда, когда страна-культурный лидер не имеет сознательной цели использовать свое культурное превосходство, оно все равно оказывается ему на руку, поскольку другие народы, воспитываясь на его культуре, неизбежно будут усваивать его ценности и, соответственно, благожелательное отношение к этой стране.

В истории можно найти немало примеров того, как страны покоряли или приручали своих соседей (и не только соседей) не при помощи оружия, а благодаря привлекательности своей культуры. Так, Киевская Русь, неожиданно ворвавшаяся на страницы мировой истории благодаря военным походам против Византии, со временем не только превратилась в ее дружественного соседа, но в лице своих политических преемников, Московской Руси и Российской империи, стала основным источником материальной и военной поддержки народов, входивших в ее состав. И все это благодаря усвоению ее православной веры и культуры.

Другой пример из истории нашей страны относится к советской эпохе. Странам «капиталистического блока» не удалось приобрести военного или политического превосходства перед «соцлагерем», однако в культурном отношении Запад, очевидно, одержал победу. Советская молодежь была покорена западной рок-культурой, интеллигенция — западными кинематографом, литературой и популярным обществоведением, прочие же — «импортными товарами», значимость которых в огромной степени также определялась их символическим значением в качестве атрибутов западной жизни и западного мышления. Культурная победа, одержанная Западом, создала в странах соцлагеря и в СССР, в частности, благоприятные условия для последующего массового неприятия советской власти и ее политики.

Западные страны и, в особенности, США продолжают пожинать плоды своего культурного лидерства. Во многих странах они насаждают свои идеологию и ценности, причем далеко не всегда сознательно. Западные кинематограф, поп-музыка, литература, общественные науки безраздельно царят на культурных просторах современного мира, в том числе и нашей страны. А это значит, что наше пребывание во власти западных стереотипов, идеологии, ценностей возникает и поддерживается само собой. Для Запада же это в огромной мере облегчает выстраивание отношений с остальными странами в нужном для него направлении.

Наконец, имеют значение и институциональные выгоды, связанные с определенным направлением творческого процесса. Последний, так или иначе, формирует ценности и поведение людей, что, в свою очередь, влияет на такой важнейший параметр эффективных институтов как права собственности — их определенность и защищенность.

Нормы добропорядочного, законопослушного поведения намного облегчают создание и поддержание системы эффективных прав собственности. Чем более распространены эти нормы, тем меньше требуется усилий для принуждения людей к соблюдению установленных правил, в том числе прав собственности.

Институциональные предпосылки инноваций

Итак, инновации приносят множество выгод — экономических, политических, институциональных. Чем определяется их интенсивность? Какими институциональными условиями объясняется тот инновационный потенциал и вытекающие отсюда успехи на экономическом и прочих поприщах, которые демонстрирует Западный мир?

Вторая экономическая революция как институциональная предпосылка «западного экономического чуда»

Один из важнейших выводов Д. Норта, полученных им в ходе исследования институциональных условий, обеспечивших в последние два столетия быстрые темпы экономического роста в Западном мире, состоит в том, что ключевой предпосылкой этих успехов оказалась Вторая экономическая революция [2]. Под последней подразумевается коренное изменение институтов, состоящее в возникновении прав собственности на те объекты, которые прежде находились в открытом доступе. Речь идет об интеллектуальной продукции. Если до Второй экономической революции всякое изобретение, всякое произведение в сфере искусства или науки тотчас становилось общим достоянием, предоставляя творцу инновации (и то не всегда) лишь наслаждаться почестями, то после революции права собственности на изобретения должны были обеспечить ему вознаграждение за его творческие усилия. Таким образом, выполняется главное условие экономического процветания — тесная связь между деятельностью и отдачей. Хорошие институты должны поощрять общественно-полезную деятельность и наказывать деятельность вредную [2; 3; 4]. В этом смысле в Западном обществе до Второй экономической революции имелся существенный пробел, поскольку отсутствие прав собственности на интеллектуальную продукцию оставляло новаторов без вознаграждения, тем самым отдавая всю творческую сферу на откуп «голому энтузиазму».

По мнению Норта, именно Вторая экономическая революция, а не Промышленная революция (как обычно считалось), стала поворотным моментом истории, окончательно поставив Западный мир во главе мировой цивилизации [2]. Дело в том, что хотя Промышленная революция и представляла собой важное изменение в технологии, вызвавшее скачкообразное увеличение объемов выпуска, она сама по себе не обеспечивала условий для последующего долговременного быстрого роста. Важнейшая мысль здесь заключается в том, что никакое технологическое изменение, каким бы революционным оно ни было, будь то переход от присваивающего хозяйства к производящему или от ручного труда к машинному, само по себе не может обеспечить ничего большего, чем однократное расширение границы производственных возможностей, тогда как экономический рост зависит не столько от технологических, сколько от институциональных условий.

В рамках современной западной цивилизации такими предпосылками и стали права собственности на интеллектуальную продукцию. Благодаря им деятельность в сфере инноваций получила мощный дополнительный импульс в виде материальной заинтересованности, что придало этой деятельности систематический характер, каковым

она не отличалась ранее. Если прежде хозяйственная деятельность отличалась рутинным свойством, предполагая производство одних и тех же благ при помощи одних и тех же технологий на протяжении веков, то теперь непрерывное усовершенствование технологий и производимых продуктов стало системным признаком развитой экономики. В результате возникло новое явление интенсивного экономического роста, предполагающего постоянное повышение производительности, обеспечиваемое прогрессом в области технологий, и расширение и усовершенствование продуктовой номенклатуры.

Опосредованность инноваций культурным контекстом

Концепция Второй экономической революции выявляет взаимосвязь между институтами и интенсивностью инноваций. Однако институты влияют не только на интенсивность инноваций, но и на их направление. Эффективная система прав собственности — это лишь один из элементов институциональной структуры, и этот элемент, действительно, является ключевым для интенсивности инноваций. Другим — первичным по отношению к правам собственности — элементом является весь культурный контекст. Данный элемент первичен в том отношении, что определяет содержание всех прочих институтов [5]. Его и имеет смысл рассматривать как определяющий фактор направления инноваций.

Инновации есть некое развитие в рамках определенной культуры и ее языка. Это касается любого рода инноваций. Скажем, изобретения новых продуктов в основном определяются всей продуктовой историей общества, а также его ценностями, склонностями и предпочтениями. Если взять предметы первой необходимости, такие как пища, одежда, жилище и его обустройство, то даже их нельзя считать культурно нейтральным. В каждом обществе есть своя культура питания, определяющая рацион, способ принятия пищи, обстановку в которой ее принято принимать и т. д. Также везде должна быть своя культура одежды и обустройства дома. Тем более, некоей культурой оказываются «напитаны» блага, не относящиеся к предметам первой необходимости, — автомобили, разнообразные услуги, начиная от услуг развлекательного характера и кончая консультациями юриста. Весь мир товаров и услуг, помимо того, что удовлетворяет потребности, является выражением определенной культуры. Культура формирует потребности и определяет способ их удовлетворения.

Так же и с усовершенствованиями, обеспечивающими экономию затрат. Культура общества определяет приемлемость тех или иных способов экономии. Ведь экономия может достигаться по-разному: улучшать организацию труда можно за счет усиления духа сотрудничества в коллективе, либо же путем стимулирования индивидуальных творческих усилий. Можно основной акцент делать на совершенствовании технологии производства, независимо от «человеческого фактора», причем и здесь также все может быть очень по-разному. Скажем, советские технологические усовершенствования в виде «комплексной механизации» [7], резко отличались от западных технологических решений, направленных на экономию затрат. И они выражали определенную хозяйственную культуру, свойственную тогдашнему советскому обществу.

Культура определяет не только способ экономии, но и саму актуальность экономии как таковой. Скажем, общество, подверженное действию «эффекта Веблена», едва ли будет очень озабочено экономией. Другую противоположность в этом отношении могло бы представлять некое «пуританское» общество с развитыми идеалами бережливости [8]. Еще один аспект, который влияет на актуальность экономии — это экологическая

культура и, соответственно, бережливость в отношении природных ресурсов. Как известно, российская и, в особенности советская, хозяйственная ментальность слабо стимулировала бережливое отношение к окружающей среде.

Если направления продуктовых и технологических инноваций опосредованы культурой общества, то это тем более верно в отношении некоммерческих секторов творческой подсистемы. Наука — это не некий безразличный набор инструментов анализа единой для всех реальности. Она развивается в рамках определенного культурного контекста, который определяет актуальность тех или иных предметов изучения, постановку научных проблем, подходы к их решениям. Один из ярких примеров — изучение хозяйства. Как известно, в христианскую эру интерес к экономической проблематике был окончательно утрачен, чтобы возродиться вновь в эпоху Ренессанса. Чем это объясняется? Шумпетер объясняет это изменение воцарившейся на просторах античного мира христианской верой, равнодушной к вопросам, прямо не связанным с «реформой морали поведения отдельного человека» [9].

Точно также можно рассуждать и об искусстве: о принятых художественных методах, о характерном настроении, о его задачах и т. д. Очевидно, что все это напрямую определяется господствующим мировоззрением, ценностями общества.

Итак, инновации — это нечто большее, чем просто инструмент однозначной для всех эффективности. Они являются выражением и частью общей культуры — мировоззрения, ценностей, идеалов общества. Культура же может быть своей или заимствованной. В этом смысле инновации инновациям рознь: одно дело усовершенствовать некие детали чужой культуры и, таким образом, идти на поводу у других стран, и другое дело — создавать инновации в рамках собственной культуры и приобщать к ней других. Очевидно, что проще двигаться, опираясь на высокие культурные достижения других. Однако потенциальные выгоды от обращения к собственным традициям и их приложения к текущим проблемам были бы выше. Мало того, что развитие в рамках собственной традиции было бы более устойчивым и безболезненным, оно создавало бы также потенциал для собственного культурного лидерства в мире.

Вторая экономическая революция и «творческая подсистема» общества

Концепция Второй экономической революции раскрывает характер институтов, которые поощряют инновационную активность. Однако вышеописанное позволяет увидеть, что одних этих стимулирующих механизмов недостаточно для объяснения инноваций, производимых в рамках всей творческой подсистемы. В первую очередь это касается тех творческих достижений, которые совершаются в областях, прямо не связанных с коммерчески перспективными инновациями.

Вообще, в этой связи имеет смысл обратить внимание на существование в области экономической теории концепций, ставящих творческие достижения по ту сторону рынка и мотива прибыли. Так, французская институциональная концепция подсистем общества, в частности, предполагает существование отдельно рыночной и творческой подсистем, где мотив прибыли — мотив, которым объясняются инновации, с точки зрения Второй экономической революции, — имеет значение лишь в рыночной подсистеме, тогда как инновационная активность помещается в творческой подсистеме [10]. В этой последней иная мотивация, чем побуждение к обогащению. Главной движущей силой здесь является стремление достичь оригинальности. Разумеется, что речь идет об оригинальности в определенных рамках, задаваемых традициями, существующими в любой сфере культуры,

будь то фундаментальная наука или любые виды искусства. Именно это — *оригинальность в рамках традиции* — и считается главным мотивом всей творческой подсистемы.

В таком случае концепция Второй экономической революции может претендовать на объяснение достижений, совершаемых лишь в том сегменте творческой подсистемы, который испытывает на себе экспансию рыночной подсистемы, т. е. усваивает его мотивацию. Значение этого «рыночного сегмента» творческой подсистемы в разных обществах может сильно различаться, допуская полностью «покупное вдохновение» в одних странах и его совершенно бескорыстный характер в других странах. Но каким бы ни было значение этой рыночной экспансии, изначально присущая творческой подсистеме мотивация, все-таки, не связана с мотивом прибыли. Это позволяет предположить, что большая и наиболее важная часть всех культурных свершений объясняется не «хорошим вознаграждением», а принципиально иными мотивами, которые неразрывно связаны с творческим процессом. Таким образом, эффективная система прав собственности на интеллектуальную продукцию, безусловно, будет подстегивать инновационную активность, но (вероятно, для большинства стран) в узком сегменте творческой подсистемы и в направлении, задаваемом опять-таки внерыночными принципами.

Перспективы Второй экономической революции в России

Переходя к ближайшим творческим перспективам России, зададимся вопросом: в какой степени эти перспективы можно связывать с правами собственности на интеллектуальную продукцию; иными словами, не должна ли наша страна, идя по следам Запада, пройти через Вторую экономическую революцию, подобно тому как она воспроизвела у себя уже состоявшуюся на Западе Промышленную революцию?

Некоторые признаки зарождения в нашей стране соответствующей системы прав собственности как будто имеются. Если в 1990-е годы на долю «пиратской» продукции приходился практически весь рынок таких товаров как программное обеспечение, кино или музыка, то теперь все более типичной становится установка потребителей на приобретение лицензионных продуктов. Это, несомненно, говорит о положительных сдвигах в российской системе прав собственности на интеллектуальную продукцию.

Однако эти сдвиги пока носят достаточно нерешительный и фрагментарный характер. Основная масса коммерческой продукции, создаваемой в творческой подсистеме, по-прежнему перепродается пиратами. Вдобавок ко всему этому распространение Интернета также весьма уменьшает отдачу от творческой деятельности для самих «творцов». Наконец, те положительные сдвиги в области прав собственности, которые замечаются в России, происходят в основном в столицах и еще нескольких мегаполисах, оставляя большую часть регионов практически незатронутой не только Второй, но даже и Первой экономической революцией.

Дело в том, что права собственности на интеллектуальную продукцию — это едва ли не самый сложный и тонкий элемент институциональной структуры. Его создание и поддержание определяется эффективностью всех прочих прав собственности и требует систематической кропотливой работы всего транзакционного сектора — государства и различных частных организаций, оказывающих юридические и управленческие услуги. Едва ли можно надеяться на возникновение такого рода прав собственности в условиях, когда не защищены элементарные права и свободы человека. На территории большей части России царит правовой нигилизм, право грубой силы и право «связей» с людьми, облеченными властью. При таком уровне институционального развития для России было

бы большим достижением, если бы на ее территории удалось создать и защитить права собственности на жизнь и здоровье человека, на землю, жилище, имущество, причем *для всех*, а не для избранных, особо приближенных к власти или криминальным авторитетам.

Еще раз повторим, что некоторые зачатки Второй экономической революции наблюдаются лишь в столицах и некоторых мегаполисах России — там, где более или менее защищены базовые права и свободы. Это вполне закономерно, если рассматривать страны и регионы в иерархическом порядке, т. е. исходя из того, что в рамках как мировой, так и национальных экономик существует иерархия, определяющая место каждой страны в мире и каждого региона внутри отдельных стран в общественном разделении труда, а также развитость институтов. Вообще, институтами нередко объясняют процветание, как это предполагает концепция Второй экономической революции. Однако понимание мира как иерархии указывает возможность противоположного направления этой причинной связи: *не потому страны богаты, что у них хорошие институты, а институты у них хорошие потому, что они богаты*. Действительно, если разделение труда — это распределение различных по доходности сфер деятельности между различными территориями, которое определяется их иерархическим статусом, то источником богатства окажется место в иерархии, а не эффективные институты, сами же институты будут формироваться уже в зависимости от процветания и, соответственно, статуса страны [11]. Как можно обосновать такую позицию? Простейшая логика состоит в том, что институты определяют качество жизни и при этом не бесплатны, а значит любое общество, будучи заинтересовано в повышающих качество жизни институтах, создаст эти институты, если будет располагать средствами, чтобы их оплатить. Если исходить из такого взгляда на общество, то выходит, что Россия может располагать эффективными институтами лишь на вершине иерархии — в столицах и примыкающих к ним мегаполисах. Однако если сама Россия не занимает высокого положения в мировой иерархии, то даже у себя в центре она не может располагать такими совершенными институтами, какие имеются в центрах стран с более высоким статусом в мировой иерархии (подробнее см. [1]).

Помимо соображений, связанных с иерархическим строением мира и его институтов, относительно перспектив Второй экономической революции в России можно указать также и на текущие тенденции в развитии ее экономики. Прежде всего, следует обратить внимание на усиливающуюся сырьевую ориентацию российской экономики вкупе со все большим «возвращением» в нее государства. Здесь речь идет, прежде всего, о том, что победы и поражения российского бизнеса по большей части определяются его успехами на поприще выстраивания отношений с властью (подробнее см. [12; 13]). Все это порождает тенденции к концентрации и централизации российского капитала, причем на основе сырьевых и энергетических отраслей. Система, обнаруживающая такие тенденции, очевидно, будет больше всего поощрять деятельность по налаживанию связей с политиками и бюрократами и приобретением контроля над собственностью на ресурсы. Едва ли в таких условиях значительная часть предпринимательской энергии может направиться в сферу инновационной активности. По крайней мере, стимулы, создаваемые такой системой, должны ориентировать предпринимателей, явно, не в пользу инноваций.

Таким образом, на поставленный в начале данного раздела вопрос о соответствующих перспективах в нашей стране следует ответить отрицательно. Ни место России в мировой иерархии, ни текущие тенденции в ее экономике не позволяют надеяться на полноценную Вторую экономическую революцию, которая бы создала в ней систему прав собственности на интеллектуальную продукцию, не уступающую «западным аналогам».

Творческие достижения и перспективы России

Если в современной России отсутствуют эффективные права собственности, которые бы обеспечили надлежащие материальные стимулы для творческих работников, то тем более их не было в историческом прошлом нашей страны. По мнению Р. Пайпса, важнейшим отличием дореволюционных российских институтов от соответствующих институтов Запада было крайне слабое развитие прав собственности [14]. С еще большим правом это можно сказать о советском периоде с отличающим его законодательным запретом «частной собственности на средства производства». Очевидно, что если бы творческие свершения зависели только от материального вознаграждения, Россия при такой общественной системе едва ли сколько-нибудь проявила бы себя в сфере культуры.

Но вопреки ожиданиям, которые должна была бы вызывать концепция Второй экономической революции, Россия оказалась в состоянии продемонстрировать выдающиеся культурные достижения, обеспечившие ей одно из первых мест в глобальной творческой подсистеме. Подобно прочим европейским странам в Средние века и в начале Нового времени Россия выражала себя, прежде всего в рамках религиозной культуры — в процессе усвоения и переосмысления византийского православного наследия. Начиная же с петровской эпохи Россия изменила направление своего творческого поиска, устремив его преимущественно в русло светской культуры, чтобы в XIX веке продемонстрировать блестящие результаты практически во всех областях искусства, науки и технологии. В следующем XX веке, в частности, в советский период, Россия продолжала удивлять мир успехами своей культуры, только теперь они в основном сосредоточились в области науки и техники.

В каком-то смысле, с началом переходного периода России стала переживать упадок творческой подсистемы: в едва ли не большинстве отраслей науки и техники жизнь замирает и наблюдается эмиграция высококвалифицированных кадров за рубеж или в иные сферы деятельности; по крайней мере, в первое десятилетие переходного периода острый кризис поразил кинематограф и прочие виды массовой культуры. И это при том, что как раз в это время в России впервые проводились реформы, — в особенности, создание системы частной собственности, — казалось бы, отвечавшие такой цели как обеспечение институциональных условий, вознаграждающих творческую активность. Выходит, победы и поражения России в культурной сфере не были связаны с наличием эффективных прав собственности. Отсюда можно заключить, что если в России и были какие-либо институциональные предпосылки, способствовавшие творческой активности, то они имели очень мало общего с теми условиями, которые предусматривает для этой цели неинституциональная теория.

Все это побуждает задать вопрос: что же способствовало инновациям в России, если их нельзя объяснить причинами, связанными с правами собственности? Прежде всего, имеет смысл повторить, что не все, если какие-либо вообще, инновации могут быть поставлены в исключительную зависимость от прав собственности на интеллектуальную продукцию. И даже в тех странах, в которых эти права собственности успешно функционируют, помимо них требуются дополнительные механизмы стимулирования в тех сферах культуры, в которых нельзя установить адекватной рыночной связи между трудом и вознаграждением. В таком случае отличие западных институциональных структур следует видеть не в том, что они содержат в себе механизм, стимулирующий творчество, а другие институциональные структуры его не имеют. Разницу скорее нужно видеть в том, что институциональная мозаика западных стран включает такой элемент как

права собственности на интеллектуальную продукцию — отличие важное, но, вероятно, не решающее для культурного развития.

В мировой истории культуры права собственности на интеллектуальную продукцию, обеспечивающие четкую связь между успехом творческого замысла и вознаграждением творца — явление сравнительно недавнее, что и позволило Нортю обозначить их внедрение в институциональные структуры западных стран как Вторую экономическую революцию. Отчего же еще зависело творческое вдохновение на протяжении мировой истории, не исключая и нашего времени?

В первую очередь следует назвать государство, которое во все времена определяло творческий процесс как прямо, так и косвенно. Напрямую оно может определять интенсивность и направление творческой активности, выступая заказчиком соответствующей интеллектуальной продукции. И это вполне типичная ситуация, поскольку государство во все времена остро нуждалось в услугах инновационного сектора. Совершенствование военных технологий, выработка эффективных управленческих решений, формирование национальной идеологии, находящееся в зависимости от всего культурного контекста — вот основные разновидности интеллектуальной продукции, на которые предъявляет спрос государство. Всего этого уже достаточно, чтобы государство поддерживало естественные и общественные науки в их как теоретических, так и прикладных исследованиях, а также все виды художественной культуры, причем как светской, так и религиозной, поскольку они формируют идеологию, упрощающую для государства управление обществом [4, с.72-74].

Еще одна возможность для государства прямо влиять на инновационную активность — принудительная организация творческого труда. Распространенный предрассудок в этой области, будто подневольный труд не может быть квалифицированным по причине отсутствия у раба/крепостного заинтересованности в результатах труда, плохо вяжется с множеством исторических фактов высококвалифицированного подневольного труда, показывавшего самые блестящие результаты. В античном обществе рабы могли специализироваться в любой профессии, начиная от работы рудокопа или гладиатора и кончая трудом учителя или суфлера — подсказчика философских мыслей своему хозяину, чтобы тот мог блеснуть в обществе умом и образованностью.

Способности государства в стимулировании творчества очень ярко обнаруживались в России во все периоды ее истории. В киевский период князья устраивали школы для приобщения знати к византийской образованности, выписывали из Византии учителей и мастеров, которые могли бы научить местное население премудростям своей высокой культуры, строили церкви, организовывали переводы с греческого. Впоследствии, начиная с XVII в. и, по сути, до нашего времени, подобные усилия предпринимались государством и для распространения в среде русского общества западных идей и ценностей. Все это были усилия по насаждению на русской почве иноземной культуры, но впоследствии они приносили богатый урожай, вызвав к жизни, своеобразную русскую православную культуру, а затем — Золотой и Серебряный века и, наконец, в советское время, — военные и технические достижения.

Не пренебрегало государство в России и возможностями подневольного творческого труда. Полнее всего это было использовано в сталинский период с характерной для этого времени организацией труда ученых и инженеров в форме «шарашек» — конструкторских бюро, созданных для выполнения государственных заказов трудами заключенных. Данная система создавала достаточно стимулов к усердному труду, поощряя его облегчением условий содержания под стражей и обещаниями досрочного освобождения и наказывая провинившихся в отсутствии усердия отсылкой в лагерь для содержания на обычных

условиях, т. е. на грани вымирания. Вместе с тем, в тех творческих результатах, которые демонстрировала данная организационная форма, проявлялись характерные для плановой экономики преимущества. Для выполнения поставленной задачи можно было очень быстро мобилизовать любых специалистов, какими бы выдающимися или занятыми они ни были, и собрать их в любом составе, независимо от их согласия и, фактически, от того, находятся ли они в заключении или на свободе, поскольку при такой системе человек мог быть вынужден делать то, что от него требуют, под страхом лишения свободы.

Косвенное влияние, вольно или невольно оказываемое государством на «творческую ситуацию» в обществе связано с тем, что государство так или иначе влияет на все общественные институты, в частности, на те, которые могут благоприятствовать творческой активности, независимо от прямого государственного воздействия. К ним можно отнести социальную структуру, предполагающую наличие праздного класса, меценатство, а также стимулируемый наличной идеологией энтузиазм в плане творческих свершений.

О первом из указанных институтов можно говорить в случаях тех обществ, которые предоставляют некоторым людям материальное содержание, не предъявляя к ним никаких встречных требований. Как правило, прослойка таких людей выделяется из правящего класса в результате фактической утраты властных полномочий при сохранении соответствующих привилегий. В античных полисах такой прослойкой были свободные граждане, имевшие чисто формальные или же полностью утраченные политические права, но располагавшие средствами существования за счет эксплуатации негражданского населения, которое проживало в самих полисах или в контролируемых ими колониях или провинциях. Результатом стала та великая культура, которую создала античная цивилизация, избавив часть людей от забот о хлебе насущном и позволив им направить свою энергию в творческое русло. В России эта история, видимо, повторилась в период с 1762 по 1861, если не 1917 гг., — время существования праздного класса в лице дворян, которые находились на содержании у общества, но были освобождены государством от каких-либо служебных обязанностей. Интересно, что на это же самое время приходится расцвет русской культуры.

Меценатство — форма поддержки талантов, получившая название от имени друга императора Августа, которому мир обязан литературными шедеврами Вергилия и Горация, обретшими через него материальную независимость и, соответственно, возможность полностью посвятить себя поэзии. По-видимому, этот вид поддержки культуры играет особенно заметную роль при наличии идеологии, превозносящей творческий труд и его представителей. Такого рода идеологические соображения могут побудить частных благотворителей к оказанию спонсорских услуг деятелям культуры. Специфической разновидностью меценатства в нашей стране можно считать также спонсирование творческого процесса, связанного с обслуживанием религиозных культов, — строительство и внутреннее обустройство церквей, изготовление богослужебной утвари и различные виды религиозного искусства.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что условия, определяющие творческий процесс, значительно богаче тех, что рассматриваются как единственно возможные в рамках концепции Второй экономической революции. Большинство из них уже было многократно опробовано в истории нашей страны, и этот опыт может быть полезным для определения путей возможного и эффективного институционального развития России, которое бы отвечало задаче ее культурного подъема. Очевидно, что творческая подсистема нашей страны по-прежнему будет зависеть от государственной политики, что должно сориентировать его в направлении, благоприятном для творческого процесса.

Вместе с тем, крайне важна идеология, создающая примеры для подражания. Те перенятые с Запада идеалы, которые ныне распространены в России, — идеалы преуспевающего дельца, разборчивого потребителя, вообще, любого человека, сумевшего нажить состояние, — едва ли могут стимулировать творческий процесс. Пренебрежительное же отношение общества ко всем, кроме состоятельных людей, в том числе и к творческим работникам, будет охлаждать в отношении них и благотворительные побуждения потенциальных меценатов. Таким образом, основная надежда творческой подсистемы России — это государственная политика в области культуры и идеологии.

Литература

1. Скоробогатов А. С. Перспективы постиндустриального общества в России в свете иерархичности национальных и региональных экономик // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. Том 6. №2. С. 22-24. <http://institutional.narod.ru/journal6.2.pdf>
2. North D. C. Structure and Change in Economic History. New York: W. W. Norton & Company, Inc., 1981. Ch. 13.
3. Olson M. Big bills left on the sidewalk: Why some nations are rich, and others are poor // Journal of Economic Perspectives. 1996. Vol. 10. № 2. P. 22-23;
4. Скоробогатов А. С. История как предметный мир экономической теории // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007b. Том 5. №3. С. 81-82. <http://institutional.narod.ru/journal5.3.pdf>
5. Williamson O. E. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // Journal of Economic Literature. 2000. Vol. 38. No. 3. P. 596-600; Скоробогатов А. С. История как предметный мир... С. 71-73.
6. Макаренко В. П. Экономическая аксиология: опыт исследования экономических культур // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. 1(4). С. 66-74, 81-84.
7. Конотопов М. В., Сметанин С. И. История экономики. М.: Изд-во научно-образовательной литературы РЭА, 1999. С. 319-320.
8. Розмаинский И. В. Пуританская этика и макрофункционирование капитализма // Семинар молодых экономистов. 1998. 4. С. 32-42.
9. Шумпетер Й. История экономического анализа. Т. 1. СПб.: Экономическая школа, 2001. С. 90.
10. Скоробогатов А. С. Институциональная экономика: Курс лекций. СПб.: СПб филиал ГУ–ВШЭ, 2006. С. 27-32. <http://ie.boom.ru/skorobogatov/skorobogatov.htm>
11. Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993. С. 95-99.
12. Нуреев Р. М. Постсоветский институционализм-2006. Власть и бизнес. Ростов-на-Дону: Наука-Пресс, 2006;
13. Скоробогатов А. С. Российская стабильность последних лет: предпосылка экономического развития или институциональный склероз? // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007a. Том 5. №1. С. 41-58. <http://institutional.narod.ru/journal5.1.pdf>
14. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993
15. Aghion P., Tirole J. Formal and Real Authority in Organizations // Journal of Political Economy. 1997. Vol. 105. P. 1-29
16. Скоробогатов А. С. Лекции и задачи по теории контрактов. СПб.: СПб филиал ГУ–ВШЭ. 2006. С. 169-170. <http://ie.boom.ru/skorobogatov2/contents.htm>.

*Рекомендовано до публікації
д.е.н., проф. Галушко О.С. 05.05.09*

*Надійшло до редакції
27.04.09*